

ГРАМОТЕЙ

ЦИКЛ ИЗ ПЯТИ КНИГ · КНИГА ПЯТАЯ

АПОКАЛИПСИС

Правда — это дверь. Вопрос — кто её откроет.



РОМАН

АЛЕКСАНДР ЖАРКОВ

МОСКВА · 2026

Александр Жарков

Апокалипсис

«Автор»

2026

Жарков А. В.

Апокалипсис / А. В. Жарков — «Автор», 2026

Коломенское, летнее солнцестояние. Дверь под подклетом открывается, и за ней — Библиотека: сорок три тысячи имён, собранных Братством за четыре века. Вешнякову остаётся выбрать: похоронить список вместе с последним свидетелем — или опубликовать правду и назвать шестое имя. Опубликовать — значит отдать мёртвых читателям и запустить счёт заново. Похоронить — значит навсегда оставить их в комнате, которую залиют бетоном. Пятый роман цикла «Грамотей».

© Жарков А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Чужой ключ	5
1. Полдень	10
2. Пять имён	14
3. Дорохов	21
4. Сейф	24
5. Сомов	27
6. Вдова	30
7. Больница	34
8. Следователь	38
9. Отец Герман	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Жарков

Апокалипсис

«И видел я в деснице у Сидящего на престоле книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. И видел я ангела сильного, провозглашающего громким голосом: кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати её? ... И никто не мог... раскрыть сию книгу... И один из старцев сказал мне: не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей её».

Откровение Иоанна Богослова, 5:1–5

Пролог. Чужой ключ

Коломенское, октябрь 1993 года.

Ночью здесь было темнее, чем в городе. Москва светилась за рекой, как другая страна; а тут горели только окна сторожки, и земля пахла мокрой глиной.

Игорь Дорохов держал фонарь, пока Костя копал.

— Ещё полметра, — сказал Костя. — Там должна быть кладка.

— Ты говорил это час назад.

— Тогда я ошибался.

— А сейчас?

— Сейчас я почти уверен.

Дорохов посмотрел на карту. Она была нарисована от руки, на кальке, и стояла ему месячной стипендии. Продавец — старик из архива, с руками в чернилах — сказал: «Там был ход. Его засыпали в пятьдесят третьем. Но стена осталась».

Костя ударил лопатой. Звук изменился: не глухой, а короткий, каменный.

— Вот, — сказал он. — Я же говорил.

Они расчистили яму. Под слоем глины и битого кирпича открылась кладка — старая, на извести, с большими камнями. В кладке был проём, заложённый кирпичом позже. Кирпич был другой: красный, ровный, с клеймом.

— Здесь, — сказал Дорохов.

Они работали ещё час. Кирпич поддался; за ним была пустота. Оттуда шёл воздух — холодный, сухой, с запахом пыли и воска. Так пахнет в церкви, когда убирают после службы.

Костя просунул руку в пролом.

— Там ход, — сказал он. — Каменный. Узкий.

— Пойдём?

— А зачем мы копали?

Они спустились. Костя шёл первым, с фонарём; Дорохов — за ним, с лопатой. Ход был низкий, приходилось сгибаться. Стены были тёсаные, ровные, без раствора; камни пригнаны так плотно, что между ними не проходил нож.

Через сорок шагов ход расширился.

Перед ними была дверь.

Она была железная, низкая, с широкой поперечной полосой по середине. В центре — кольцо, бронзовое, вросшее в металл. Над дверью, в камне, была вырезана надпись. Буквы стёрлись, но Дорохов разобрал:

«ОТКАЖИСЬ».

Костя присвистнул.

— Это что?

— Не знаю.

— Это же... — Костя провёл пальцем по буквам. — Это какая-то церковь?

— Под церковью.

— И что там?

— Не знаю.

Дорохов подошёл. Замок был старый, кованый, без ключевого отверстия. Вместо отверстия — узкая щель, длиной в палец, с двумя зубцами по краям.

— Ключ не такой, — сказал он.

— Какой?

— Не знаю. Но не такой.

Костя подёргал кольцо. Дверь не двинулась.

— Может, ломом?

— Попробуй.

Костя ударил ломом по краю двери. Звук ушёл вниз, в камень, и вернулся откуда-то из глубины — глухой, долгий, как будто под ними было ещё одно помещение.

Они стояли и слушали.

— Там пусто, — сказал Костя. — Или очень много.

Дорохов посмотрел на стену рядом с дверью. В кладке была ниша, заложённая кирпичом; один кирпич вывалился. В нише что-то блеснуло.

Он запустил руку.

Это было кольцо. Тяжёлое, тёплое — странно тёплое для камня, — с широким ободом и печатью на щитке: три зубца, средний длиннее.

— Смотри, — сказал он.

Костя взял кольцо. Повертел.

— Золото?

— Может быть.

— Старое.

— Старое.

Костя посмотрел на щель в замке, потом на кольцо.

— Может, оно?

Дорохов взял кольцо и приложил к щели. Оно не входило: обод был круглый, а щель — плоская.

— Нет, — сказал он.

— Жалко.

Дорохов приложил ухо к двери.

Сначала он услышал только камень — ровное, глухое молчание. Потом, далеко, — шорох. Как будто кто-то переворачивал страницу.

— Ты слышишь? — прошептал он.

Костя прислушался.

— Нет.

Шорох повторился. Потом стих.

— Там кто-то есть, — сказал Дорохов.

— Там камень. — Костя сплюнул. — И крысы.

Дорохов не ответил. Он смотрел на кольцо. Оно лежало у него на ладони и было тёплым, как живое.

— Пойдём, — сказал Костя. — Пока не засыпало.

Сверху что-то упало. Сначала — тихо, как песок; потом — тяжело, как камень. Костя поднял голову.

— Это что?

Дорохов прислушался. В ходу, за их спинами, шуршало.

— Обвал, — сказал он.

Они побежали.

Костя успел первым. Дорохов — за ним; лопата била по стене, фонарь прыгал. За спиной грохнуло; воздух толкнул в спину, как ладонью. Костя закричал.

Его придавило камнем — не сильно, но нога застряла между плитами. Дорохов вытащил его, почти вырвал; Костя ругался и плакал одновременно.

Они выбрались наверх. Яма была наполовину засыпана. Фонарь погас; горела только луна.

Костя лежал на траве и держал ногу.

— Сломана, — сказал он. — Кажется, сломана.

Дорохов сел рядом. В кулаке он всё ещё держал кольцо.

— Что это было? — спросил Костя.

— Не знаю.

— Ты слышал?

— Что?

— Как будто там кто-то вздохнул.

Дорохов не ответил. Он смотрел на кольцо. На нём не было грязи.

* * *

В больнице Костя пролежал месяц.

Дорохов приходил дважды. В первый раз принёс апельсины и бутылку водки; во второй — ничего.

— Ты продал его? — спросил Костя.

— Что?

— Кольцо.

Дорохов посмотрел на окно.

— Нет.

— Врёшь.

— Продал.

Костя отвернулся.

— Сколько?

— Пять тысяч.

— Долларов?

— Да.

Костя долго молчал.

— За такие деньги я бы тоже продал, — сказал он наконец.

— Нет, — сказал Дорохов. — Не продал бы.

— Почему?

— Потому что ты не видел дверь.

Он вышел из палаты и больше не приходил.

* * *

Через два дня он поехал к человеку, которого ему называл старик из архива.

Дом был на Пятницкой, за высоким забором. Ворот открыл охранник в чёрном пальто; он посмотрел на кольцо и ничего не сказал.

В доме пахло кожей и сигарами. Человек сидел в кресле у окна. Он был молод — лет тридцати, — в сером костюме, с гладкими волосами и спокойным лицом. На столе перед ним стояла чашка чая.

— Дорохов? — сказал он. — Игорь?

— Да.

— Роберт Андреевич Кранц. — Он не встал. — Садитесь.

Дорохов сел.

— Покажите.

Он положил кольцо на стол. Кранц взял его, повертел, посмотрел на печать. Потом достал из ящика лупу.

Смотрел долго.

— Где вы это нашли?

— В Коломенском.

— Где именно?

— Под церковью. В стене.

— Вы были внутри?

— Нет. Дверь заперта.

Кранц опустил лупу.

— Вы видели надпись?

— Видел.

— Какую?

— «Откажись».

Кранц улыбнулся. Улыбка была не злая и не добрая; просто улыбка человека, который услышал правильный ответ.

— Хорошо, — сказал он. — Сколько вы хотите?

Дорохов растерялся.

— За что?

— За кольцо. И за молчание.

— Я... — Он посмотрел на кольцо. — Я не знаю.

— Пять тысяч долларов. — Кранц открыл ящик и достал пачку. — Это больше, чем вы получите за год.

Дорохов смотрел на деньги. В девяносто третьем году пять тысяч долларов были состоянием.

— И что я должен делать?

— Ничего. — Кранц положил пачку на стол. — Забудьте.

— А если я не забуду?

— Тогда вы вспомните. — Кранц посмотрел на него. — Но не сейчас. Когда позвонят.

Он достал визитку. На ней был только телефон, без имени.

— Кто вы? — спросил Дорохов.

— Юрист. — Кранц снова взял лупу. — Я помогаю людям находить то, что они потеряли.

— А кольцо?

— Кольцо поедет в Вену.

— Зачем?

— Чтобы вернуться. — Кранц поднял глаза. — Когда придёт время.

— Когда?

— Когда кто-то откажется.

— Кольцо тёплое, — сказал Дорохов.

— Да.

— Почему?

— Потому что оно помнит руку. — Кранц положил кольцо в бархатный мешочек. — Вещи помнят больше, чем люди. Люди забывают, вещи — нет.

— А дверь?

— Дверь ждёт.

— Кого?

— Того, кто откажется. — Кранц завязал мешочек. — Не вас.

Дорохов не понял. Он взял деньги и визитку.

У двери он обернулся.

— Там была дверь, — сказал он. — За ней что-то есть.

— Есть, — сказал Кранц. — Но не для вас.

— Почему?

— Потому что вы уже взяли деньги. — Кранц улыбнулся. — Люди, которые берут деньги, не входят в двери. Они их охраняют.

Дорохов вышел на улицу. Шёл дождь. Он сунул пачку во внутренний карман и пошёл к метро.

Он думал, что продал кольцо.

Через тридцать три года он поймёт, что продал себя.

1. Полдень

Москва, 23 июня 2026 года.

В одиннадцать сорок Вешняков стоял у церкви Вознесения и смотрел на колодец.

Колодец был накрыт железной крышкой. На крышке — новая печать: красный сургуч, прилепленный к замку, и бумажная лента с гербом. Рядом стоял полицейский в форме, с рацией.

— Закрыто, — сказал он.

— Я вижу.

— Проход запрещён.

— Я знаю.

Вешняков посмотрел на церковь. Она была белая, высокая, с шатром, похожим на свечу. Её построили в 1532 году в честь рождения царя, которого звали Иван. Об этом ему сказал отец, когда ему было шесть лет. Он помнил ладонь отца под коленями и горячую траву.

Теперь он стоял здесь один.

Анна подошла сбоку. На ней была тёмная куртка; под курткой — пустая кобура.

— Он не придёт, — сказала она.

— Придёт.

— Колодец опечатан.

— Он написал, что снимет печать.

— И ты веришь?

— Нет. — Вешняков посмотрел на крышку. — Но я верю, что он здесь.

Гуров подошёл от ворот. У него была перевязана рука; повязка была свежая, белая.

— Полиция оцепила северную сторону, — сказал он. — Внутри не пускают. Музей закрыт.

— Кто закрыл?

— Комиссия. — Гуров посмотрел на бумажную ленту. — Подписали утром.

— На каком основании?

— На том же. — Гуров усмехнулся. — Опасность обрушения.

Вешняков посмотрел на церковь. В стене, у самого низа, была видна старая заложённая арка — кирпич другого цвета. Там был вход в подклет, который они нашли две недели назад.

— А там что? — спросил он.

— Тоже опечатано.

— Значит, мы опоздали.

— Не совсем. — Гуров понизил голос. — У меня есть разрешение на осмотр. Не на спуск. На осмотр.

— На сколько?

— На час.

Анна посмотрела на него.

— Ты уверен, что оно настоящее?

— Оно подписано. — Гуров пожал плечами. — А настоящая подпись или нет — не моя работа.

Они прошли через оцепление. Полицейский посмотрел на бумагу, потом на них, но не стал спорить.

У колодца стояла старуха с лотком открыток. Она была в синем плаще, с сумкой через плечо, и смотрела не на них, а на крышку.

— Опять, — сказала она.

Вешняков остановился.

— Что опять?
— Запечатали. — Старуха покачала головой. — В восемьдесят девятом тоже запечатали.
— Вы были здесь в восемьдесят девятом?
— Я здесь всю жизнь. — Она посмотрела на церковь. — И до вас была. И после буду.
— Что случилось в восемьдесят девятом?
Старуха помолчала. Потом посмотрела на него внимательнее.
— Вы его сын, — сказала она.
Вешняков похолодел.
— Кого?
— Молодого. В очках. — Она кивнула на колодец. — Он спустился. И не вышел.
— Вы знали его?
— Я продавала открытки. Он покупал. — Она усмехнулась. — Каждый день покупал одну и ту же. С церковью.
— Вы с ним разговаривали?
— Разговаривала. — Старуха помолчала. — Он спрашивал, не видел ли я, как открывается колодец.
— А вы видели?
— Видела. — Она посмотрела на Вешнякова. — В ночь перед тем, как он спустился. Я шла домой, через овраг. А он стоял у колодца. Один.
— Что он делал?
— Ничего. — Она покачала головой. — Просто стоял и смотрел вниз. Как будто ждал, что оттуда кто-то ответит.
— Вы помните, как он выглядел? — спросил Вешняков.
— Помню. — Она посмотрела на него. — Высокий. Худой. В плаще, сером. И очки. Круглые, железные. Одно стекло треснутое.
Вешняков достал из кармана очки отца.
— Такие?
Старуха взяла их. Повертела.
— Такие. — Она посмотрела на трещину. — Он говорил, что треснувшее стекло видит лучше.
— Почему?
— Потому что оно показывает мир с изломом. — Она усмехнулась. — Я не поняла. А он сказал: «Так виднее, что люди делают».
Вешняков молчал.
— Он был вежливый, — сказала старуха. — Всегда здоровался. Всегда покупал открытку.
— Она помолчала. — В последний раз он купил две.
— Две?
— Одну — мне. Одну — себе. — Она посмотрела на лоток. — Сказал: «Вторую я не отправлю. Вторую я оставлю».
— Зачем?
— Не сказал. — Она покачала головой. — Написал что-то карандашом и убрал в карман. Вешняков посмотрел на неё.
— Что он написал?
— Я не читала. — Она пожала плечами. — Я не умею.
Он кивнул.
— Спасибо.
— За что?
— За то, что помните.
— Я не помню. — Она посмотрела на колодец. — Я просто не забываю.

Вешняков хотел спросить ещё, но в это время за воротами музея закричали.

Крик был короткий и высокий, как у птицы. Потом — ещё один, и топот.

Гуров повернулся.

— Оставайтесь здесь.

Он пошёл к воротам, быстро, не бегом. Анна — за ним. Вешняков — следом.

У северного флигеля, где была сторожка, стояли двое полицейских и женщина в музейной форме. Она держала руку у рта.

Дверь сторожки была открыта.

Внутри, за столом, сидел человек.

Он был в форме — тёмный китель, погоны. Сидел прямо, как будто заполнял бумаги; перед ним лежал раскрытый блокнот и чашка кофе. Голова была чуть опущена.

На лбу у него была печать.

Круглая, восковая, тёмно-красная. В центре — три зубца, средний длиннее.

— Не входите, — сказал полицейский.

Вешняков остановился в дверях.

Он видел лицо. Это был **Игорь Валерьевич Дорохов**, помощник Стеблова. Они встречались дважды: в Екатеринбурге, на выставке, и в Москве, в министерстве. Дорохов тогда стоял у двери и молчал.

Теперь он сидел.

Анна подошла.

— Он мёртв?

— Мёртв. — Полицейский опустил руку. — Врач сказал: сердце.

Вешняков посмотрел на чашку.

— Кто его нашёл?

— Уборщица. Она приходит в двенадцать. Дверь была приоткрыта.

— Кто-нибудь входил?

— Никто.

— Камеры?

— Не работают. — Полицейский помолчал. — С утра.

Вешняков шагнул в комнату. Полицейский хотел остановить его, но Гуров покачал головой.

Вешняков подошёл к столу.

Дорохов был бледен. На губах — ни пены, ни крови; только тонкая синева. Пальцы лежали на блокноте. В правой руке — лист бумаги, сложенный вдвое.

Вешняков взял его.

Это была копия. Сверху — шапка: «Оперативная группа. Дело 14/11-22. Материалы к закрытию». Ниже — список из пяти фамилий, напечатанный на машинке. Три были перечёркнуты от руки. Четвёртая — обведена. Пятая — обведена дважды.

«КРАНЦ. ЕФИМОВ. ДОРОХОВ. ЛАНГЕ. СТЕБЛОВ».

Перечёркнуты были Кранц, Ефимов и Ланге. Дорохов был обведён — и рядом, на полях, стояла галочка. Последняя фамилия, Стеблов, была обведена дважды.

Внизу, тем же почерком, было написано:

«Они убили Ирму Каплан. 14 ноября 2022.

Я не убивал. Я смотрел.

Ъ».

Вешняков стоял и смотрел на лист.

— Что это? — спросила Анна.

Он передал ей лист.

Она прочитала. Потом ещё раз.

— Это его почерк?

— Его.

— Он был здесь?

— Был.

— И убил Дорохова?

Вешняков посмотрел на печать на лбу.

— Сердце, — сказал он. — Врач сказал: сердце.

— Это могло быть сердце.

— Могло. — Вешняков наклонился. — Как у моего отца.

Анна замолчала.

За окном, во дворе, завели машину. Полицейские о чём-то переговаривались; женщина в музейной форме плакала.

Вешняков посмотрел на блокнот Дорохова. На открытой странице был записан номер телефона и время: «12:00. Колодец».

Он перевернул страницу. Там было одно слово:

«Печать».

— Он ждал его, — сказал Вешняков.

— Кого?

— Белояра. — Он показал на время. — В двенадцать. У колодца.

Анна посмотрела на часы.

— Сейчас двенадцать ноль пять.

Они вышли во двор.

У колодца никого не было. Только старуха с открытками стояла в стороне и смотрела на них.

— Он не пришёл, — сказала Анна.

— Пришёл, — сказал Вешняков. — Просто раньше.

Он посмотрел на печать в руке. Воск был ещё мягким.

2. Пять имён

К двенадцати тридцати во дворе было полно людей.

Приехали скорая, полиция, следственная группа и ещё две машины без опознавательных знаков. Тело Дорохова оставалось в сторожке; у двери стоял человек в белом халате и никого не пускал.

Вешняков сидел на скамейке у стены. В руке он держал лист с пятью фамилиями.

Анна села рядом.

— Стеблов, — сказала она. — Он жив.

— Пока.

— Ты думаешь, Белояр пойдёт к нему?

— Нет. — Вешняков покачал головой. — Он его не тронет.

— Почему?

— Потому что Стеблов — последний. — Он посмотрел на лист. — Белояр оставил его нам.

Анна прочитала список ещё раз.

— Кранц, Ефимов, Ланге, Дорохов, Стеблов. — Она подняла глаза. — Кто из них убил Ирму?

— Все.

— Кранц мёртв. Ефимов мёртв. Ланге мёртв. Дорохов мёртв. — Она помолчала. — Остался Стеблов.

— И тот, кто составил список.

— Белояр.

— Да.

Анна положила лист на колени.

— Он убил Дорохова.

— Похоже.

— И оставил список, чтобы ты знал.

— Чтобы я знал, что он знает. — Вешняков помолчал. — И чтобы я пришёл к нему.

— Он тебя приглашает.

— Он меня вызывает.

Анна посмотрела на сторожку.

— Стеблову скажем?

— Скажем. — Вешняков встал. — Но не по телефону.

* * *

Гуров вышел из ворот, разговаривая по телефону. Он закончил и подошёл.

— В сторожке камеры не работали с восьми утра, — сказал он. — Ключи от сторожки были у Дорохова. Он пришёл в семь.

— Один?

— Один. — Гуров посмотрел в блокнот. — Охрана видела, как он вошёл. Больше никого.

— А вышел?

— Никто не выходил.

— Тогда как?

— Есть второй выход. — Гуров кивнул на стену. — За сторожкой. Через хозяйственный двор.

— Он открыт?

— Был открыт. — Гуров помолчал. — До девяти.

Вешняков посмотрел на стену. За ней был хозяйственный двор, за двором — улица.

— Значит, кто-то прошёл.
— Кто-то прошёл, — согласился Гуров. — Но никто не видел.
— А старуха?
— Какая старуха?
— С открытками. — Вешняков обернулся. — Она стояла у колодца.
Старухи не было.
Гуров посмотрел на пустое место.
— Исчезла.
— Она здесь каждый день. — Вешняков пошёл к воротам. — Найдём.
* * *

Старуху нашли на аллее, у ларька. Она сидела на скамейке и перебирала открытки; лоток стоял рядом.

Вешняков подошёл.
— Валентина Тимофеевна?
Она подняла глаза.
— Вы знаете моё имя.
— Мне сказали в музее. — Он сел рядом. — Вы видели что-нибудь утром?
— Я видела всё. — Она переложила открытку. — Я здесь с восьмью.
— Кто-нибудь подходил к сторожке?
— Подходил.
— Кто?
— Мужчина. — Она посмотрела на него. — В чёрном пальто. С палкой.
Вешняков почувствовал, как у него пересохло во рту.
— Во сколько?
— В десять. — Она подумала. — Или в десять минут двенадцатого. Я не смотрю на часы.
— Он вошёл?
— Вошёл. — Она кивнула. — Дверь была открыта.
— Вы видели его лицо?
— Видела. — Старуха прищурилась. — Молодой. Лет сорока. В очках.
— В очках?
— В очках. — Она посмотрела на него. — Как вы.
Вешняков молчал.
— Он вышел? — спросил он наконец.
— Вышел. — Она показала на стену. — Через хозяйственный двор. Я видела, как он шёл по аллее.

— С палкой?
— С палкой. И с сумкой.
— С какой сумкой?
— С чёрной. — Она пожала плечами. — Большая. Как для инструментов.
— Вы сказали полиции?
— Меня не спрашивали.

Вешняков посмотрел на её лоток. На верхней открытке была церковь Вознесения — белая, с шатром, в снегу.

— Сколько стоит?
— Сто рублей.
Он достал деньги.
— Оставьте себе.
Она взяла купюру и посмотрела на него.
— Вы его найдёте?

— Не знаю.

— Найдите. — Она опустила глаза на открытку. — Он обещал вернуться.

— Кто?

— Тот, кто должен был вернуться. — Она посмотрела на церковь. — В восемьдесят девятом он обещал.

Вешняков хотел спросить, но старуха уже перебирала открытки, как будто разговор закончился.

Он вернулся к церкви.

Анна ждала у ворот.

— Что она сказала?

— Что он был здесь. — Вешняков показал на стену. — В чёрном пальто, с палкой. В очках.

— Белояр не носит очки.

— Носит. — Вешняков посмотрел на неё. — В книге про него была фотография. Он в очках.

Анна помолчала.

— Значит, он был здесь.

— Был.

— И убил?

— Дорохов умер в десять минут двенадцатого. — Вешняков посмотрел на часы. — Белояр вышел через хозяйственный двор в двенадцать.

— А печать?

— Печать — это подпись. — Он сжал лист в кармане. — Он не торопился.

* * *

Они поехали в больницу.

Стеблов лежал в отдельной палате на третьем этаже. У двери стоял охранник; в коридоре — двое полицейских.

Вешняков показал удостоверение. Полицейский посмотрел на бумагу, потом на Гурова, и открыл дверь.

Стеблов сидел на кровати. Он был в больничной рубашке, бледный, с зажившей раной на боку; рядом стояла капельница. На столе лежала книга — раскрытая, обложкой вверх.

— Профессор, — сказал он. — Я ждал вас раньше.

— Дорохов мёртв.

Стеблов не изменился в лице.

— Когда?

— Сегодня. В десять минут двенадцатого. В сторожке.

— Как?

— Сердце.

Стеблов закрыл глаза.

— Вы уверены?

— На лбу у него была печать. — Вешняков положил лист на стол. — И вот это.

Стеблов открыл глаза. Посмотрел на лист. Потом взял его.

Читал долго.

— Пять имён, — сказал он.

— Пять.

— Три перечёркнуты.

— Три мертвы.

— Дорохов обведён.

— Дорохов умер сегодня. — Вешняков помолчал. — Он отметил его перед смертью.

Стеблов положил лист.
— Кто перечеркнул?
— Тот, кто убил.
— Белояр.
— Белояр.
Стеблов помолчал.
— Он оставил меня.
— Оставил.
— Почему?
— Не знаю. — Вешняков сел на стул. — Может, потому что вы уже мертвы.
Стеблов усмехнулся. Усмешка вышла слабой, как выдох.
— Может.
— Или потому, что он хочет, чтобы вас судили.
— Суд — это тоже смерть. — Стеблов посмотрел на капельницу. — Только медленная.
Вешняков наклонился.
— Вы знали, что Дорохов был там?
— Где?
— В подвале. Четырнадцатого ноября. Когда убили Ирму.
Стеблов молчал.
— Вы знали, — сказал Вешняков.
— Знал. — Стеблов посмотрел на него. — Я не знал, что он был внутри. Я думал, он ждал снаружи.
— Он был внутри.
— Тогда я знал меньше, чем думал. — Стеблов помолчал. — Или больше, чем хотел.
Анна шагнула вперёд.
— Вы закрыли дело.
— Закрыл.
— Вы подписали ложный вывод.
— Подписал.
— Вы знали, кто убил.
— Догадывался.
— Вы знали.
Стеблов посмотрел на неё.
— Полковник. — Он помолчал. — Вы хотите, чтобы я сказал «да»?
— Хочу.
— Да. — Он сказал это тихо. — Я знал.
В палате стало тихо. За окном проехала машина; свет фар скользнул по потолку.
— Тогда вы тоже убили, — сказала Анна.
— Нет. — Стеблов покачал головой. — Я не убивал.
— Вы знали и молчали.
— Знал и молчал. — Он посмотрел на неё. — Это не одно и то же.
— Для неё — одно.
Стеблов отвернулся.
— Может быть.
Вешняков положил руки на стол.
— Мой отец.
Стеблов замер.
— Что?

— Восемьдесят девятый год. Коломенское. — Вешняков смотрел на него. — Он спустился в колодезь. И не вышел.

— Я знаю.

— Вы были там?

— Был. — Стеблов помолчал. — Не внизу. Наверху.

— Вы отдали приказ?

— Нет.

— Вы подписали?

Стеблов долго молчал.

— Тогда я был лейтенантом, — сказал он наконец. — Я подписывал бумаги, которые мне давали.

— Какую бумагу?

— Заключение. — Он посмотрел на Вешнякова. — «Сердечная недостаточность».

— Это была ложь.

— Это была формулировка.

Вешняков встал.

— Вы убили моего отца.

— Нет. — Стеблов посмотрел на него. — Его убили другие. Я написал, что он умер сам.

— Это одно и то же.

— Для вас — да. — Стеблов закрыл глаза. — Для меня — нет. Я двадцать восемь лет говорил себе, что это не одно и то же.

Анна отошла к окну.

Вешняков сел.

— Где список? — спросил он.

— Какой?

— Оригинал. Тот, что за дверью.

Стеблов открыл глаза.

— Вы были у двери.

— Был.

— И не вошли.

— Не вошёл.

— Почему?

— Потому что не знал, что там. — Вешняков помолчал. — И потому что боялся.

Стеблов усмехнулся.

— Вы честнее меня.

— Ненамного.

— Нет. — Стеблов покачал головой. — Честность — это когда говоришь вслух то, что другие думают молча. Вы говорите. Я молчу.

Он посмотрел на лист.

— Белояр придёт за мной.

— Не придёт.

— Почему?

— Потому что вы последний. — Вешняков встал. — Он оставил вас закону.

Стеблов засмеялся. Смех перешёл в кашель; он прижал руку к боку.

— Закону, — сказал он. — Вы думаете, закон справится?

— Не знаю. — Вешняков взял лист. — Но я попробую.

У двери он обернулся.

— Он сказал, что войдёт первым.

— Кто?

— Белояр. — Вешняков посмотрел на Стеблова. — Он сказал это две недели назад. И он уже там.

Стеблов молчал.

— Где «там»? — спросил он.

— За дверью.

— Вы уверены?

— Уверен.

Стеблов откинулся на подушку.

— Тогда вам нужно торопиться.

— Почему?

— Потому что он не умеет ждать. — Стеблов закрыл глаза. — Он умеет только считать. Вешняков посмотрел на книгу, лежавшую на столе.

— Что вы читаете?

Стеблов открыл глаза.

— Откровение.

— Почему?

— Потому что там всё написано. — Он показал на страницу. — «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая».

— И что?

— Я всю жизнь думал, что это про ад. — Стеблов помолчал. — А это про нас. Мы и есть вторая смерть. Мы убиваем после того, как человека уже убили.

Вешняков посмотрел на строку, подчёркнутую карандашом.

— Вы нашли себе оправдание.

— Нет. — Стеблов покачал головой. — Я нашёл себе приговор.

Вешняков вышел.

В коридоре Анна догнала его.

— Ты ему веришь?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Он сказал правду о моём отце. — Вешняков посмотрел на лист. — Люди, которые говорят правду один раз, могут сказать её дважды.

— Или используют её, чтобы ты поверил в остальное.

— Может быть.

Они вышли на улицу. Было жарко; асфальт плавился. Вешняков посмотрел на небо.

— Нам нужно найти вход, — сказал он.

— Колодец опечатан.

— Значит, найдём другой.

Анна остановилась.

— Даниил.

— Что?

— Он убил Дорохова. И оставил список. — Она посмотрела на него. — Он не просто так это сделал.

— Знаю.

— Он хочет, чтобы ты пришёл один.

— Знаю.

— И ты пойдёшь.

Вешняков помолчал.

— Да.

Она отвернулась.

— Тогда я пойду с тобой.

— Анна.

— Нет. — Она посмотрела на него. — Ты можешь идти один. Но я буду рядом.

Он хотел возразить. Потом посмотрел на её лицо и не стал.

— Хорошо, — сказал он. — Рядом.

Они пошли к машине.

За спиной, у больничного окна, стоял Стеблов и смотрел им вслед. В руке он держал книгу — ту, что лежала на столе.

Это была Библия.

Он открыл её на Откровении.

3. Дорохов

Квартира Дорохова была на Фрунзенской, в старом доме с лепниной и широкой лестницей. Дверь открыла женщина лет пятидесяти, в тёмном платье. У неё было заплаканное лицо и руки, которые не знали, куда деться.

— Вы из полиции? — спросила она.

— Нет. — Вешняков показал удостоверение. — Я профессор Вешняков. Мы встречались с вашим мужем.

— Я помню. — Она посторонилась. — Проходите.

В квартире пахло кофе и лекарствами. На стене в коридоре висели фотографии: Дорохов в форме, Дорохов с женой, Дорохов с дочерью на плечах. Все были сделаны давно.

— Мне нужно посмотреть его кабинет, — сказал Вешняков.

— Следователь уже смотрел.

— Я знаю. Я хочу посмотреть сам.

Женщина помолчала.

— Идите. — Она показала на дверь в конце коридора. — Только не трогайте фотографии. Он их любил.

Кабинет был маленький, тесный. Стол, шкаф, карта на стене, кресло. На столе — бумаги, ручки, чашка. На шкафу — модель церкви, сделанная из спичек.

Вешняков подошёл к карте. Это была карта Коломенского: церковь, дворец, сады, овраги. На ней были отметки — красным карандашом, тонко, как у геолога. У северной стены церкви стоял крестик. Рядом — цифра: «1989».

— Он часто сюда ездил? — спросил Вешняков.

— В последний год — часто. — Жена стояла в дверях. — Говорил, что работает.

— Над чем?

— Не говорил. — Она помолчала. — Он вообще мало говорил. Служба.

Вешняков открыл ящик стола. Внутри были папки, степлер, коробка со скрепками. В нижнем ящике — фотоальбом.

Он открыл его.

На первой странице была фотография: молодой Дорохов, в куртке, с лопатой, стоит у ямы. Рядом — ещё двое. На обороте было написано: «Коломенское. Октябрь 1993».

Вешняков перевернул страницу. Другая фотография: та же яма, но шире. На заднем плане — человек в сером костюме. Молодой, с гладкими волосами. Кранц.

— Вы знали, что он был знаком с Кранцем? — спросил Вешняков.

Жена подошла.

— С кем?

— С Робертом Кранцем. Юристом.

Она посмотрела на фотографию.

— Он никогда не называл его по имени. — Она помолчала. — Говорил: «юрист».

— Он работал на него?

— Он работал на генерала. — Она посмотрела на Вешнякова. — А генерал работал на юриста. Так он говорил, когда выпивал.

Вешняков закрыл альбом.

— У вас есть дочь? — спросил он.

— Маша. — Жена посмотрела на дверь. — Она живёт в Рязани. С бабушкой.

— Почему не здесь?

Жена молчала.

— Она не хотела оставаться, — сказала она наконец. — После того вечера.

— Какого вечера?

— Четырнадцатого ноября. — Жена опустила глаза. — Она была в Москве. Он вызвал её. А потом отправил обратно.

Вешняков посмотрел на дверь в конце коридора.

— Можно?

Жена кивнула.

Комната была маленькая, с обоями в цветочек и узкой кроватью. На стене висели рисунки — детские, цветными карандашами: дом, дерево, собака. На столе стояла фотография: Дорохов и девочка лет двенадцати, в парке, с мороженым.

Вешняков взял фотографию.

— Она его любила?

— Она его боялась, — сказала жена. — Это не одно и то же.

— Иногда одно.

— Нет. — Жена покачала головой. — Любовь можно вернуть. Страх — нет.

Вешняков поставил фотографию на место.

— Где она сейчас?

— В Рязани. — Жена помолчала. — Я не говорила ей, что он умер. Я не знаю, как сказать.

— Скажите правду.

— Правду? — Жена посмотрела на него. — Какую? Что он был убийца? Или что он был отец?

— И то, и другое. — Вешняков посмотрел на рисунки. — Если оставить только одно, она не поймёт.

Жена кивнула.

— Я скажу ей сегодня.

— Хорошо.

Она посмотрела на рисунки.

— Она приедет на похороны.

— У него был сейф?

— В банке. — Жена подошла к шкафу. — Он хранил там документы. Я не знала код.

— А ключ?

Она открыла дверцу шкафа. На верхней полке, за книгами, лежала связка ключей.

— Вот. — Она отдала её Вешнякову. — Он всегда говорил: «Если со мной что-то случится, отдай ключи тому, кто спросит про дверь».

Вешняков посмотрел на неё.

— Я спросил про дверь.

— Да. — Она отвернулась. — Поэтому отдаю.

* * *

В коридоре он остановился.

— Валентина Тимофеевна?

— Елена Павловна.

— Простите. — Он помолчал. — Ваш муж говорил вам что-нибудь о Белояре?

Она подняла глаза.

— О ком?

— О человеке, который его убил.

Она долго молчала.

— Он говорил: «Он придёт». — Она посмотрела на дверь кабинета. — В последний месяц — каждый день.

— Почему?

— Не знаю. — Она покачала головой. — Он боялся.

— Чего?

— Не говорил. — Она помолчала. — Но однажды сказал: «Я видел дверь. И теперь она видит меня».

— Он вернулся утром, — сказала она. — Четырнадцатого. В шесть.

Вешняков обернулся.

— Утром?

— Да. — Она смотрела на дверь кабинета. — Я не спала. Он вошёл, прошёл мимо меня и закрылся в ванной. Я слышала воду.

— Сколько?

— Час. Может, больше. — Она помолчала. — Потом вышел. Сел на кухне. Я налила ему чай. Он не пил.

— Что он сказал?

— Ничего. — Она покачала головой. — Он сидел и смотрел на свои руки. Как будто видел их впервые.

— Что было на руках?

— Ничего. — Она помолчала. — Он мыл их час. И всё равно смотрел так, будто они грязные.

Вешняков молчал.

— Потом он сказал: «Я больше не буду». — Она подняла глаза. — Я спросила: что не будешь? Он сказал: «Всё».

— И?

— И через неделю поехал в банк. — Она посмотрела на Вешнякова. — Я думала, он заберёт деньги. А он положил туда коробку.

Вешняков вышел на лестницу.

Анна ждала внизу.

— Что-нибудь?

— Ключи. — Он показал связку. — И фотография. Дорохов был у двери в девяносто третьем.

— Он нашёл дверь?

— Похоже, да.

— И что?

— И продал то, что нашёл. — Вешняков посмотрел на ключи. — Кранцу.

Анна помолчала.

— Значит, Кранц знал о двери с девяносто третьего.

— Знал.

— И Дорохов работал на него всю жизнь.

— Работал.

— А потом убил Ирму.

Вешняков не ответил. Он смотрел на лестницу, на лепнину, на свет из окна.

— Поехали в банк, — сказал он.

4. Сейф

Банк был на Новокузнецкой. Отделение для частных клиентов, тихий холл, кожаные кресла, запах кофе. Управляющая — женщина с гладкой причёской — проверила ключ, паспорт и документы, которые Вешняков получил у нотариуса.

— Ячейка пятьсот двенадцать, — сказала она. — Следуйте за мной.

Они спустились в подвал. Стены были обиты тёмным деревом; лампы горели ровно. Управляющая открыла замок, оставила их одних и вышла.

В ячейке лежала металлическая коробка. Небольшая, размером с обувную.

Вешняков вынул её и поставил на стол.

— Открывай, — сказала Анна.

Он поднял крышку.

Сверху лежала папка. На ней было написано от руки: «14/11-22. ЛИЧНОЕ».

Внутри — фотографии, листы, блокнот, диктофон.

Вешняков взял верхнюю фотографию.

Это был подвал. Обгоревшие стеллажи, чёрные стены, вода на полу. На полу, у стены, лежала женщина. Лица не было видно; только рука, вытянутая вперёд, и светлое пятно волос.

Вешняков положил фотографию.

— Это Ирма?

— Похоже. — Анна смотрела на снимок. — Ты уверен, что хочешь...

— Да.

Он взял папку с документами.

Первый лист — оперативная справка. «14 ноября 2022 года, 19:40. Галерея на Гончарной, 14. Возгорание в подвальном помещении. Пострадавшая: Каплан И. М., 38 лет. Смерть до прибытия скорой. Причина: отравление продуктами горения».

Второй лист — заключение. «Причина пожара: неисправность электропроводки. Виновные не установлены».

Третий — рапорт. «Материалы переданы в архив. Дело закрыто.»

Подпись: «Стеблов А. В.»

Вешняков перевернул страницу.

Дальше был список. Пять фамилий, напечатанных на машинке. Тех же, что на листе в сторожке.

И рядом — рукописные пометки. Почерк Дорохова, мелкий, ровный.

«Кранц — заказ. Ефимов — руки. Дорохов — огонь. Ланге — деньги. Стеблов — бумага».

Вешняков сел.

— Он написал всё сам, — сказал он.

— Зачем?

— Не знаю. — Он посмотрел на лист. — Может, боялся, что забудет. Может, хотел, чтобы кто-то прочитал.

Анна взяла диктофон.

— Здесь кассета.

— Включи.

Она нажала кнопку.

Сначала был шум — шипение, стук, как будто микрофон лежал в кармане. Потом голос. Мужской, спокойный, чуть насмешливый.

— Она видела.

Вешняков узнал Кранца.

— Она видела, — повторил Кранц. — И она не просто видела. Она сфотографировала. Второй голос — тише, моложе. Дорохов.

— Что делать?

— Убрать.

— Как?

— Как обычно. — Пауза. — Пожар.

— Там же документы.

— Документы горят. — Кранц засмеялся. — Это их главное свойство.

Тишина. Потом Дорохов:

— Я не хочу.

— Ты не хочешь? — Голос Кранца стал мягче. — Ты хочешь, чтобы твоя дочь узнала, чем ты занимался в девяносто третьем? Или чтобы генерал узнал, что ты продал кольцо?

Долгая пауза.

— Я понял, — сказал Дорохов.

— Хорошо. — Кранц помолчал. — Сделай так, чтобы это выглядело как проводка. И не забудь про девочку.

— Какую девочку?

— Твою. — Кранц помолчал. — Она была там. Она видела.

— Она ребёнок.

— Она свидетель. — Голос Кранца был ровным. — Дети вырастают. И начинают говорить.

Кассета щёлкнула.

Анна выключила диктофон.

В комнате было тихо.

Вешняков смотрел на стену. Перед глазами стояла рука Ирмы — вытянутая вперёд, как будто она хотела что-то достать.

— Это подлинная запись? — спросила Анна.

— Похоже.

— Её можно использовать?

— Можно. — Он помолчал. — Если мы доживём.

Анна положила диктофон.

— Здесь ещё что-то. Сначала — журнал.

Она достала из коробки тонкую папку. Внутри был лист — распечатка посещений ячейки.

— Смотри. — Она провела пальцем. — Он приходил сюда дважды в год. Последний раз — двадцатого ноября.

— Через шесть дней после пожара.

— Да. — Анна посмотрела на него. — Он пришёл и положил это.

— Что именно?

— Всё. — Она показала на фотографии, диктофон, блокнот. — Он собрал дело на себя. Вешняков посмотрел на лист.

— Зачем?

— Может, боялся, что убьют. — Анна пожала плечами. — Может, хотел, чтобы кто-то нашёл.

— Он знал, что Белояр придёт.

— Знал.

— И всё равно оставил.

— Да. — Анна помолчала. — Люди, которые боятся, хранят всё.

Вешняков положил лист обратно.

— Тогда он был не только убийца, — сказал он. — Он был свидетель.
— Он был и то, и другое, — сказала Анна. — Как все.
В коробке лежал блокнот. Чёрный, потрёпанный. Вешняков открыл его.
Первые страницы были заполнены датами и суммами. «1993 — 5000». «1996 — Вена». «1998 — Полянка». «2015 — мальчик». «2022 — Гончарная».
Дальше — записи.
«Я не хотел. Кранц сказал: она видела.
Я только зажёл.
Она лежала. Я думал, она уже мертва.
Потом она посмотрела.
Я видел, как она посмотрела.
Я увидел её у окна.
Она смотрела на меня.
Я сделал вид, что не узнал.
Я вышел. Я не оборачивался.
Он стоял у забора. В чёрном пальто. С палкой.
Он смотрел на огонь.
Я не знал, кто он. Теперь знаю.
Он придёт за мной. Я жду».
Вешняков закрыл блокнот.
— Он ждал, — сказал он.
— И дождался, — сказала Анна.
— Да.
В коробке оставалась ещё одна вещь. Маленькая, завёрнутая в бархат.
Вешняков развернул.
Это была печать. Бронзовая, на короткой ручке, с тамгой: три зубца, средний длиннее.
— Его печать? — спросила Анна.
— Нет. — Вешняков повертел её. — Это печать Белояра.
— Откуда она у Дорохова?
— Он взял её. — Вешняков посмотрел на печать. — Или она осталась после встречи.
— Он же умер от сердца.
— Сердце — это способ. — Вешняков положил печать в карман. — Печать — это под-
пись.
Анна посмотрела на него.
— Ты понимаешь, что он играет с нами?
— Понимаю.
— Он оставил нам доказательства. Зачем?
Вешняков посмотрел на папку.
— Затем, что он хочет не просто убить. — Он закрыл коробку. — Он хочет, чтобы мы прочитали.

5. Сомов

СИЗО был на Матросской Тишине. Свидание длилось сорок минут.

Вешняков приехал за час. В коридоре пахло хлоркой и мокрым бетоном; на стенах были облуплены краска и объявления. Люди сидели на скамейках с пакетами; кто-то плакал; кто-то читал.

Анна осталась в машине.

— Я не могу, — сказала она. — Я его арестовывала.

— Хорошо.

— Ты уверен, что он будет говорить?

— Нет. — Вешняков посмотрел на дверь. — Но он один из немногих, кто знает, как устроена рука.

— Рука?

— Он убивал. — Вешняков помолчал. — Убийцы знают друг друга по почерку.

Он прошёл через рамку. Охранник проверил паспорт, провёл палочкой по сумке.

— Телефон, — сказал он.

Вешняков отдал телефон.

— Часы.

Он отдал часы.

— Всё.

Его провели в комнату свиданий. За стеклом уже сидел Сомов — в серой робе, с бритой головой и усталым лицом.

Он улыбнулся, когда увидел Вешнякова.

— Профессор. — Он взял трубку. — Я думал, вы придёте раньше.

— Дела.

— Дела. — Сомов посмотрел на него. — У меня теперь тоже дела. Следовательно, адвокат, ещё один следователь. Все спрашивают про девочку.

— Про Соню?

— Про неё. — Сомов помолчал. — Я им сказал правду. Они не поверили.

— Я поверил.

— Знаю. — Сомов усмехнулся. — Поэтому вы здесь.

Вешняков положил на стол фотографию. Дорохов, молодой, с лопатой.

— Вы знали его?

Сомов посмотрел.

— Знал.

— Он работал с вами?

— Он работал на Кранца. — Сомов вернул фотографию. — Я работал на Ланге. Иногда пересекались.

— Он был в подвале четырнадцатого ноября?

Сомов помолчал.

— Был.

— Вы уверены?

— Уверен. — Сомов наклонился. — Я его видел в тот вечер. Он приехал на Гончарную на машине. В багажнике была канистра.

— Вы видели канистру?

— Видел. — Сомов усмехнулся. — Я тогда подумал: аккуратный человек. Всё своё.

— Вы знали, что он сделает?

— Догадывался.

— И не остановили.
— Профессор. — Сомов посмотрел на него. — Я не останавливаю. Я убираю.
Вешняков положил руки на стол.
— Кто приказал?
— Кранц.
— Кто заплатил?
— Ланге.
— Кто подписал?
— Стеблов.
Вешняков помолчал.
— Вы знаете, что Белояр убил Дорохова?
— Знаю. — Сомов кивнул. — Мне сказали.
— Кто?
— Он. — Сомов улыбнулся. — Он приходил.
Вешняков похолодел.
— В СИЗО?
— В СИЗО. — Сомов посмотрел на него. — Профессор, вы думаете, что здесь стены.
А здесь двери.
— Как он прошёл?
— Не знаю. — Сомов пожал плечами. — Может, его пропустили. Может, он умеет проходить.
— Он приходил ночью, — сказал Сомов. — В половине третьего. Я не спал. Дверь открылась, и он вошёл. Как будто это его камера.
— Охрана?
— Охрана не видела. — Сомов усмехнулся. — Или видела, но не сказала.
— Что он делал?
— Сел на край койки. — Сомов посмотрел на свои руки. — Достал лист. И стал читать.
— Что читал?
— Имена. — Сомов помолчал. — Много имён. Он читал ровно, как по списку. Некоторые я знал. Некоторые — нет.
— Зачем?
— Спросил, помню ли я. — Сомов поднял глаза. — Я сказал: не помню. Он сказал: «Ты помнишь. Ты просто не хочешь».
— И вы?
— Я молчал.
— Почему?
— Потому что он читал моё имя. — Сомов помолчал. — Не вслух. Он держал палец на строке. И смотрел на меня.
Вешняков молчал.
— Он не угрожал, — сказал Сомов. — Он просто читал. Это было хуже.
— Почему хуже?
— Потому что угроза кончается. — Сомов посмотрел на него. — А чтение — нет. Он читал, пока я не сказал: «Хватит».
— И что он?
— Закрыв лист. — Сомов усмехнулся. — И сказал: «Теперь вы знаете, как это делается».
— Что делается?
— Вычитка. — Сомов помолчал. — Он сказал: «Я не убиваю. Я вычитываю».
— А про Дорохова?

— Спросил. — Сомов помолчал. — Я сказал, что Дорохов любил сувениры. Он любил оставлять себе вещи. На память.

— Какие вещи?

— Разные. — Сомов посмотрел на него. — Печати. Кольца. Он говорил: «Вещь помнит больше, чем человек».

Вешняков молчал.

— Он ещё здесь? — спросил он.

— Кто?

— Белояр.

Сомов засмеялся.

— Нет. — Он покачал головой. — Он ушёл. Но он сказал, что вернётся.

— Когда?

— Когда вы прочитаете. — Сомов посмотрел на него. — Он сказал: «Он прочитает и придёт. Он не умеет иначе».

Вешняков встал.

— Спасибо.

— Профессор. — Сомов прижал руку к стеклу. — Вы думаете, что нашли убийцу. Вы нашли руку. Голова была выше.

— Я знаю.

— Не знаете. — Сомов усмехнулся. — Голова и сейчас выше. И она смотрит.

* * *

На улице Анна ждала в машине.

— Что он сказал?

— Что Белояр приходил к нему.

— В СИЗО?

— Да.

— Это невозможно.

— Он сказал: «Здесь двери». — Вешняков сел за руль. — И ещё: Дорохов любил сувениры.

— Какие сувениры?

— Печати. Кольца. — Он посмотрел на неё. — Мы нашли печать в сейфе. Может, там есть ещё что-то.

Анна помолчала.

— Ты думаешь, Дорохов хранил что-то ещё?

— Он хранил всё. — Вешняков завёл машину. — Люди, которые боятся, хранят всё.

6. Вдова

Похороны были на следующий день, на Троекуровском кладбище. Народу пришло немного: родственники, несколько человек в форме, двое из министерства. Стеблов не приехал; он был в больнице.

Вешняков стоял в стороне. Анна была рядом.

Дорохова хоронили в закрытом гробу. На крышке лежал венок с лентой: «От министерства».

Священник говорил быстро, как будто боялся опоздать. Он сказал: «Он был человек». Больше ничего не сказал.

Никто не плакал. Жена держала в руках платок и не поднимала его к лицу. Дочь смотрела в землю.

Когда гроб опустили, кто-то из министерства бросил горсть. Земля стукнула о крышку — глухо, как закрываемая книга.

Вешняков бросил свою.

Он думал: вот человек, который зажжёт огонь. Его хоронят с венком от министерства. А женщина, которую он убил, лежит в Калуге, и на её могиле нет венка.

Он посмотрел на венок.

— Елена Павловна, — сказал он тихо. — Вы знали Ирму Каплан?

Жена подняла глаза.

— Кто это?

— Женщина, которая погибла в галерее.

— Нет. — Она покачала головой. — Я не знала.

Она помолчала.

— Он не говорил о ней.

— А о работе?

— Он говорил: «Я не хотел». — Она посмотрела на могилу. — Я думала, он про деньги.

Жена стояла у могилы, держась за дочь. Дочь была молодой, лет двадцати, в чёрном платье; она не плакала, а смотрела в землю.

После похорон Вешняков подошёл.

— Елена Павловна.

Она подняла глаза.

— Вы нашли?

— Что?

— Того, кто это сделал.

— Нет.

— Но вы знаете, кто он.

Вешняков помолчал.

— Знаю.

— Кто?

— Это не важно.

— Мне важно. — Она шагнула вперёд. — Он поставил печать на лоб моему мужу. Я видела. Мне показали.

— Простите.

— Не надо. — Она покачала головой. — Я не за этим.

Она достала из сумки конверт.

— Он оставил это. — Она отдала конверт Вешнякову. — В столе. Написано: «Если что-то случится».

Вешняков открыл.

Внутри был лист, сложенный вчетверо. Почерк Дорохова.

«Елена.

Если ты читаешь это, значит, я не успел.

Я не хочу, чтобы ты знала всё. Но ты должна знать одно: я не хотел.

В девяносто третьем я нашёл дверь. Я продал то, что было внутри. Мне казалось, что я продал вещь.

Потом я работал на людей, которые считали, что имеют право решать, кому жить.

Я не убивал. Я зажигал.

Это то же самое.

Скажи Маше, что я был трусом.

Так будет честнее.

И ещё. Если придёт человек с палкой — не бойся. Он не тронет вас. Он приходит только за теми, кто виноват.

Я виноват.

И. Дорохов».

Вешняков сложил лист.

— Вы знали? — спросила жена.

— О чём?

— Что он... — Она запнулась. — Что он был не тот.

— Я знал, что он был помощником Стеблова.

— Это не то.

— Я знаю.

Она посмотрела на могилу.

— Он боялся двери, — сказала она. — Каждую ночь видел её во сне. Он говорил: «Она открывается». Я спрашивала: «Куда?» Он говорил: «Внутри».

Вешняков молчал.

— Найдите его, — сказала она. — Того, кто поставил печать.

— Я найду.

— Не для меня. — Она посмотрела на дочь. — Для неё. Она должна знать, что это закончилось.

Вешняков кивнул.

Он хотел уйти, но дочь подошла.

— Вы профессор?

— Да.

— Он говорил о вас. — Она посмотрела на него. — Говорил: «Есть человек, который умеет читать. Он придёт».

— Когда?

— Не знаю. — Она пожала плечами. — Просто говорил.

Вешняков посмотрел на неё.

— Как вас зовут?

— Маша.

— Маша. — Он помолчал. — Ваш отец оставил письмо. Там написано, что он был трусом.

Она кивнула.

— Он был.

— Вы согласны?

— Да. — Она посмотрела на могилу. — Но он был моим отцом.

— Вы были в Москве четырнадцатого ноября? — спросил он.

Она посмотрела на него.
— Откуда вы знаете?
— Ваша мать сказала.
Маша помолчала.
— Я приехала утром. Он встретил меня на вокзале. Купил мороженое. — Она усмехнулась. — Я уже большая для мороженого. Но он не знал, что ещё купить.
— Что он говорил?
— Ничего. — Она посмотрела на могилу. — Он всё время смотрел на часы. А потом сказал: «Тебе пора». Я спросила: почему? Он сказал: «Потому что вечером будет работа».
— Он не сказал, какая?
— Нет. — Она помолчала. — Но я видела машину.
— Какую?
— Чёрную. — Маша нахмурилась. — Она стояла у дома. В ней сидел человек. Он не выходил.
— Вы видели его лицо?
— Нет. — Она покачала головой. — Только руки. Он держал палку.
Вешняков молчал.
— Я тогда подумала, что это врач, — сказала Маша. — У папы были больные колени.
— Это был не врач.
— Теперь знаю. — Она посмотрела на ограду. — Он здесь.
— Кто?
— Тот, с палкой. — Она показала глазами. — За деревьями.
Вешняков обернулся.
У ограды, за берёзами, стоял человек в чёрном пальто. Он не подходил; он стоял и смотрел. В руке у него была палка.
Вешняков сделал шаг.
Человек не двинулся.
— Анна.
Она обернулась.
— Что?
— Вон там.
Анна посмотрела.
— Никого.
Вешняков снова взглянул. За деревьями было пусто; только ветка качалась, как будто кто-то её отпустил.
— Он ушёл, — сказала Маша.
— Почему он пришёл? — спросил Вешняков.
— Не знаю. — Она посмотрела на могилу. — Может, попрощаться.
— С кем?
— С папой. — Она помолчала. — Они были знакомы.
— Откуда вы знаете?
— Папа говорил: «Есть человек, который считает». — Она подняла глаза. — Я думала, это бухгалтер.
Вешняков молчал.
— Он не бухгалтер, — сказал он.
— Теперь знаю.
Вешняков не нашёл, что сказать.
Они ушли.
По дороге Анна спросила:

— Ты отдашь письмо следователю?

— Нет.

— Почему?

— Потому что оно не доказательство. — Вешняков посмотрел на конверт. — Это исповедь.

— А исповедь — не доказательство?

— Не в суде.

— А в жизни?

Вешняков помолчал.

— В жизни — да.

Они ехали по Третьему кольцу. За окном тянулись дома, вывески, люди. Было жарко; в воздухе висел смог.

— Стеблов подписал, — сказала Анна. — Дорохов зажёг. Кранц заказал. Ефимов ударил. Ланге заплатил.

— Пять.

— Пять имён. — Она посмотрела на него. — И все мертвы, кроме одного.

— Кроме одного.

— Что ты будешь делать?

Вешняков посмотрел на дорогу.

— Читать, — сказал он.

7. Больница

Во второй раз больница пахла иначе: хлоркой, жареным луком и чем-то сладковатым, аптечным, что не выветривалось даже через открытое окно.

Стеблов лежал в отдельной палате, у окна. Над кроватью висела капельница; трубка шла к руке, обклеенной пластырем. Он был бледен, но выбрит. На тумбочке лежала Библия — чёрная, с потёртыми уголками.

У двери сидел человек в штатском. Он посмотрел на удостоверение Вешнякова и не стал спорить.

Вешняков вошёл.

Стеблов открыл глаза.

— Вы, — сказал он. — Я думал, вы придёте ночью.

— Я пришёл утром.

— Жаль. — Стеблов слабо улыбнулся. — Ночью я был честнее.

Вешняков сел на стул у кровати. Анна осталась у двери.

Он поставил на тумбочку диктофон.

— Что это? — спросил Стеблов.

— Голос.

— Чей?

— Вашего юриста.

Стеблов посмотрел на диктофон. Потом на Вешнякова.

— Включите.

Вешняков нажал кнопку.

Сначала было шипение. Потом голос Кранца — спокойный, чуть насмешливый:

— Она видела. И она не просто видела. Она сфотографировала.

Стеблов не двигался.

— Что делать? — спросил второй голос.

— Убрать.

— Как?

— Как обычно. Пожар.

Пауза.

— Там же документы.

— Документы горят. Это их главное свойство.

Стеблов закрыл глаза.

Запись шла. Голоса были тихие, как будто говорили в соседней комнате. Дорохов сказал: «Я не хочу». Кранц спросил про дочь. Стеблов открыл глаза.

На словах «Твою» он посмотрел в окно.

На словах «Она свидетель. Дети вырастают» — на Библию.

Когда запись кончилась, в палате было тихо. За окном проехала машина; в коридоре кто-то уронил лоток.

— Он всё записывал, — сказал Стеблов.

— Да.

— Зачем?

— Боялся.

— Он был прав. — Стеблов помолчал. — Он всегда был прав. Это было его главное качество и его главная беда.

Вешняков положил руки на колени.

— Вы знали?

— Что именно?

— Что он прикажет убить ребёнка.

Стеблов долго молчал.

— Я знал, что он прикажет убрать свидетеля, — сказал он наконец.

— Это одно и то же.

— Нет. — Стеблов покачал головой. — Но разница не в мою пользу.

— Вы знали, что свидетель — его дочь?

— Нет.

— Вы уверены?

— Я не спрашивал. — Стеблов посмотрел на него. — В нашей работе не задают вопросов, на которые не хотят знать ответ.

Вешняков хотел ударить его. Не сильно — просто чтобы услышать звук. Он сжал руки.

— Вы подписали смерть Ирмы, — сказал он.

— Я подписал бумагу.

— Это то же самое.

— Да. — Стеблов не отвёл глаз. — Это то же самое.

— Кто приказал?

— Совет.

— Какой совет?

— Двенадцать.

— Имена?

— Вы найдёте. Они в документе.

— У кого документ?

— У дьяка.

Вешняков помолчал.

— Отец Герман.

Стеблов посмотрел на него с удивлением. Потом усмехнулся.

— Вы знаете.

— Я слышал.

— От кого?

— От вас.

Стеблов закрыл глаза.

— Никола в Кузнецях, — сказал он. — Он вас ждёт. Он ждал вас дольше, чем вы думаете.

— Почему он не пришёл сам?

— Потому что он дьяк. — Стеблов открыл глаза. — Дьяк не ходит. Дьяк ждёт.

Вешняков встал. Подошёл к окну. Во дворе санитарка курила, стоя у мусорного бака. Небо было белое, как бумага.

— Мой отец, — сказал он, не оборачиваясь. — Кто его убил?

— Он умер сам.

Вешняков обернулся.

— Вы написали.

— Я написал заключение.

— Кто приказал?

— Сизов.

— Где он?

— Жив. Стар. — Стеблов помолчал. — Он в списке.

— В каком списке?

— В том, который вы ищете.

Вешняков вернулся к стулу. Сел.

- Вы понимаете, что я могу опубликовать всё это?
— Понимаю.
— И вас посадят.
— Меня и так посадят. — Стеблов усмехнулся. — Или убьют. Разница небольшая.
— Вы боитесь его?
— Я боюсь не его. — Стеблов посмотрел на Библию. — Я боюсь, что он не успеет.
— Что?
— Дописать.
Вешняков молчал.
— Когда опубликуете, — сказал Стеблов, — поставьте меня первым.
— Почему?
— Потому что я хочу, чтобы это было напечатано. — Он помолчал. — Написанное нельзя забыть. А меня все забудут.
— Вы хотите не наказания. Вы хотите памяти.
— Я хочу, чтобы кто-то прочитал. — Стеблов повернул голову. — Вы читаете. Я знаю. Вы читаете даже то, что не написано.
Вешняков посмотрел на него.
— Вы не боитесь смерти, — сказал он. — Вы боитесь забвения.
— Все боятся забвения. — Стеблов улыбнулся. — Просто одни называют это скромностью.
Он протянул руку к Библии. Вешняков подал её.
Стеблов открыл книгу. Нашёл страницу.
— Откройте Откровение, — сказал он. — Глава тринадцать.
— Я читал.
— Тогда вы знаете, что зверь выходит из земли. — Стеблов провёл пальцем по строке.
— Он выйдет в эфир.
— Вы верите в апокалипсис?
— Я верю в расписание. — Стеблов закрыл книгу. — Он назвал день?
— Тридцатое июня. Полдень.
— Значит, у вас пять дней.
— Пять.
— Успеете?
— Не знаю.
Стеблов откинулся на подушку.
— Тогда идите, — сказал он. — И не возвращайтесь.
— Почему?
— Потому что в следующий раз я буду говорить не для вас. — Он посмотрел на дверь.
— А для них.
Вешняков вышел.
В коридоре Анна взяла его за руку.
— Ты в порядке?
— Нет.
— Что он сказал?
— Что мы все умрём.
— Он сказал что-то новое?
Вешняков посмотрел на дверь палаты.
— Что мы все умрём в алфавитном порядке.
Анна не улыбнулась.
— Он назвал имя?

— Сизов. — Вешняков пошёл к выходу. — И отца Германа.

8. Следователь

Кабинет Власова был на Сретенке, в старом доме с лепниной и высокими окнами. В окне висела сетка от комаров; за сеткой был двор с тополем и мусорными контейнерами.

Власов сидел за длинным столом. Ему было лет шестьдесят; седые волосы, гладкое лицо, светлый костюм. На столе стояли чайник, две чашки и папка.

— Садитесь, Даниил Романович, — сказал он. — Чай?

— Нет.

— Зря. — Власов налил себе. — В такую жару надо пить.

Вешняков сел.

— Вы понимаете, что вы сделали? — спросил Власов.

— Прочитал.

— Вы допросили Стеблова без разрешения.

— Он сам разрешил.

— Он под следствием.

— Он в больнице.

— Это не меняет. — Власов отпил чаю. — Вы понимаете, что я могу вас задержать?

— За что?

— За незаконное проникновение. За разглашение. За что-нибудь.

— За что-нибудь — это не статья.

Власов улыбнулся.

— Вы всегда были дерзким.

— Я всегда был прав.

— Это не одно и то же. — Власов открыл папку. — Дело Дорохова закрыто.

— Как?

— Сердечный приступ.

— На его лбу была печать.

— На его лбу была грязь.

— Вы видели фотографии?

— Я видел заключение.

— Это не одно и то же.

— В суде — одно.

Вешняков посмотрел в окно. Тополь стоял неподвижно; листья были серыми от пыли.

— Тридцатого июня, — сказал он. — Что будет тридцатого июня?

Власов поставил чашку.

— Комиссия войдёт в колодец.

— Зачем?

— Изъять архив.

— Какой архив?

— Вы знаете.

— Я знаю, что там список.

— Тем более.

— Вы хотите его спрятать.

— Я хочу его сохранить.

— Это одно и то же.

— Нет. — Власов посмотрел на него. — Сохранить — значит не дать прочитать. А изъять — значит дать прочитать.

— Кому?

— Государству.
— Государство — это вы?
— Государство — это все. — Власов пожал плечами. — В том числе вы.
— Нет. — Вешняков покачал головой. — Государство — это те, кто подписывает. А я — тот, кто читает.
Власов помолчал.
— Вы думаете, что вы — совесть? — спросил он. — Это опасная должность. С неё падают.
— Я не думаю, что я совесть. Я думаю, что я читатель.
— Одно и то же.
— Нет. — Вешняков посмотрел на него. — Совесть молчит. Читатель говорит.
Власов улыбнулся. Улыбка была усталой.
— Мы знаем о Братстве с пятьдесят третьего года, — сказал он.
— И ничего не делали?
— Мы делали. — Власов помолчал. — Мы заменяли одних другими.
— Это называется соучастие.
— Это называется государство. — Власов посмотрел в чашку. — Вы думаете, что зло — это когда кто-то хочет зла? Зло — это когда никто не хочет, но все подписывают.
— Вы подписывали?
— Я подписывал бумаги. — Власов поднял глаза. — Как все.
— Как Стеблов.
— Нет. — Власов покачал головой. — Стеблов знал. Я не знал.
— И теперь знаете.
— Теперь знаю.
— И что вы сделаете?
Власов долго молчал.
— Я сделаю то, что должен, — сказал он. — Тридцатого июня комиссия войдёт в колодец. Если вы будете там, вас задержат.
— За что?
— За незаконное проникновение в объект культурного наследия.
— А если я приду как читатель?
— Читателей туда не пускают.
— Поэтому я и пойду один.
Власов внимательно посмотрел на него.
— Вы понимаете, что он вас ждёт? — спросил он. — Вы понимаете, что он использует вас?
— Понимаю.
— И всё равно идёте?
— Да.
— Почему?
Вешняков помолчал.
— Потому что если я не пойду, список останется у вас. — Он посмотрел на папку. — А вы его спрячете. И через двадцать лет кто-то снова будет подписывать.
Власов закрыл папку.
— Вы идеалист, — сказал он.
— Я историк.
— Это одно и то же. — Власов достал из ящика визитку и положил на стол. — Если передумаете — позвоните.
Вешняков посмотрел на визитку. На ней был только номер.

— Вы не враг? — спросил он.

— Я не враг.

— Враги не предлагают чай.

— Это единственное, что нас отличает.

Вешняков взял визитку. Положил в карман.

В дверях он обернулся.

— Анна Сергеевна, — сказал Власов. — Полковник Величко может восстановиться.

Анна остановилась.

— Ей нужна подпись, — продолжал Власов. — Одна подпись. И она снова получит звание, пенсию, всё.

— Я не просила, — сказала Анна.

— Вы подумайте.

— Я подумала.

Она вышла.

Власов посмотрел на Вешнякова.

— Она хороший офицер.

— Она хороший человек.

— Это не одно и то же.

— Нет, — сказал Вешняков. — Но разница не в вашу пользу.

Он закрыл дверь.

9. Отец Герман

Храм Николая в Кузнецах стоял в переулке, за низкой оградой. Колокольня была розовой от закатного света; на паперти сидели две старухи с сумками.

Внутри было прохладно и темно. Пахло воском, ладаном и пылью. У свечного ящика никого не было.

Отец Герман стоял у алтаря и чистил подсвечник. Он был большой, седобородый, в старой рясе и стоптанных сапогах. Он не обернулся.

— Вы всё-таки пришли, — сказал он.

— Вы ждали.

— Я ждал тридцать лет. — Герман поставил подсвечник. — Садитесь. Чай остынет, а истина — нет.

Они прошли в маленькую комнату за алтарём. Там стояли стол, два стула и шкаф с книгами. На стене висела икона — тёмная, с потрескавшейся краской.

Герман налил чай. Ложка звякнула о стакан.

— Вы пришли за ключом, — сказал он.

— За правдой.

— Это одно и то же. — Герман сел напротив. — Только ключи я отдаю, а правду — нет.

— Почему?

— Потому что правда не моя.

— А чья?

— Тех, кто её прятал. — Герман посмотрел на чай. — Я был их секретарём.

Вешняков поставил стакан.

— Расскажите про Ирму.

Герман долго молчал. За окном кричала птица; в храме кто-то зажёл свечу, и запах воска стал сильнее.

— Она приходила дважды, — сказал он. — Первый раз — за благословением. Второй — за правдой. Я дал ей первое и не дал второго.

— Почему?

— Потому что я знал, чем это кончится.

— И чем кончилось?

— Тем, что она нашла. — Герман поднял глаза. — Она была лучше нас. Она не умела бояться.

— Вы сказали ей: «Не ищи».

— Сказал.

— Почему?

— Потому что я хотел её спасти.

— Вы её убили.

— Нет. — Герман покачал головой. — Я её не убил. Я её не спас. Это разные вещи, но разница не в мою пользу.

Вешняков посмотрел на его руки. Большие, в трещинах, с обломанными ногтями. Руки человека, который много работает и мало спит.

— Вы написали приговор, — сказал он.

— Да.

— Вы понимали, что это приговор?

— Я понимал, что это бумага.

— Это то же самое.

— Да. — Герман не отвёл глаз. — Это то же самое.

Он встал, подошёл к шкафу, достал из-за книг сложенный лист. Положил на стол.
— Вот.

Вешняков развернул.

Лист был старый, но не очень: желтоватый, с машинописным текстом. Сверху — шапка: «Совет. Протокол № 14». Ниже:

«СЛУШАЛИ: о свидетеле Каплан И. М.

ПОСТАНОВИЛИ: признать дальнейшее существование свидетеля несовместимым с интересами дела.

Исполнить до 15 ноября.

Секретарь совета: протоиерей Герман Снетков».

Под текстом стояли подписи. Двенадцать. Разные — крупные и мелкие, размашистые и аккуратные. Одна была выведена карандашом и почти стёрлась.

Вешняков читал медленно.

— Кранц, — сказал он. — Стеблов. Ланге. Ефимов. Сизов.

— Да.

— Остальные?

— Волков. Морозов. Гринберг. Тихонов. Ковалёв. Орлов. Бельский.

— Где они?

— Трое умерли. Четверо живы. Пятеро... — Герман помолчал. — Пятеро не отвечают.

— Почему?

— Потому что они старые. Или потому что они умнее.

— Как это происходило? — спросил Вешняков. — Собрание.

— Обыкновенно. — Герман посмотрел в стол. — Стол был овальный, зелёного сукна. Они садились по старшинству. Кранц — у окна. Сизов — напротив. Стеблов — всегда у двери, чтобы видеть всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.